

По дороге обратно, не успев отойти далеко, Бянь Хун на пронизывающем морозе окончательно пришёл в себя. Он вырвался из рук мужчины, сам опустился на снег и, молча, пошёл следом за Жун Фэном. Он даже не решался поверить словам Минь Байгуя, надеясь, что это всего лишь деревенские слухи. Как могла армия потерпеть поражение?

О том, что творится в других местах, он не знал, но гвардия Хубэнь была по-настоящему грозной силой: под железной дисциплиной, с жестокими карами и в постоянных схватках насмерть там выживали лишь те, кто не боялся смерти.

Бянь Хун упрямо прокручивал это в голове всю дорогу, пока они не вернулись домой и не остановились у двери, ожидая, когда Юаньдин откроет.

После того как два старших брата ушли с горы, Юаньдин не только задвинул засов, но и подпёр дверь толстыми, в руку толщиной, деревянными жердями - целых четыре штуки. Чтобы их сдвинуть, даже семилетнему Юаньдину пришлось бы повозиться, не говоря уже о том, что рядом путался и мешал Гуаньбао.

Юаньдин открывал дверь, обливаясь потом, и всё время подбадривал братьев за дверью:

— Сейчас, сейчас уже!

А Гуаньбао, который крутился у него под ногами и мешал переставлять жерди, тоже запыхался и тяжело дышал.

Как только дверь распахнулась, дети бросились к Бянь Хуну. Их горячие, разругавшиеся лица сразу почувствовали ледяной холод, идущий от тела брата Си, но они всё равно не разжимали рук. Лишь тогда Бянь Хун вырвался из своих мыслей. Когда он, одного неся за спиной, другого прижимая к груди, вошёл в дом, Жун Фэн уже растопил печь и очаг, и еда в котле начинала прогреваться.

Дети ели немного, они ждали, чтобы вечером поужинать вместе с братьями. В тёплой комнате Бянь Хун, слыша, как Жун Фэн подбрасывает смеющихся Юаньдина и Гуаньбао, почувствовал, как наконец выходит застрявший в груди тяжёлый вздох. Он закатал рукава, вымыл руки и приготовил еще одно блюдо - обжаренные на сухой сковородке ломтики свиных лёгких.

Дети не понимали перемен в настроении Бянь Хуна, но всё же чувствовали его необычную подавленность, и потому, укладываясь спать, прижались к нему ещё теснее. Точно так же, как в бесчисленные ночи на дороге бегства под открытым небом, в земляных ямах, они старались согреть тело брата Си.

Жун Фэн тем временем установил ловушки на склоне за домом, где можно было подняться от старой сосны, проверил двери и окна, и лишь затем разделся и лёг в постель. Он сел на циновку, посмотрел на трёх братьев, сбившихся в один тесный комок, протянул руку, чтобы подтянуть одеяло, и, опустив голову, долго молча смотрел на них, больше не шевелясь.

Лишь заметив, как у юноши под сомкнутыми веками слегка дрогнули ресницы, Жун Фэн понял: тот всё ещё не спит. Он лёг рядом с ними тремя, помедлил немного и всё-таки протянул длинную, сильную руку, сверху осторожно обняв их всех, словно лишь обозначив объятие, и тихо произнёс - неясно, кому именно:

— Спите.

Ночь была глухой и тяжёлой.

На рассвете, когда небо только-только посветлело, за давно забытым людьми двориком раздался настойчивый стук в ворота. Бянь Хун, всю ночь державший себя в напряжении, резко сел на постели:

— Кто-то пришёл!

Жун Фэн мгновенно накинул ватник, ловко спрыгнул с ещё тёплого кана и по дороге схватил большой колун для дров, направившись к двери. Он держал топор остриём вверх, жёсткие и туго стянутые, как конский хвост, волосы были небрежно перевязаны, и весь он напоминал льва, сторожащего своё логово и готового в любую секунду вступить в бой.

К счастью, за дверью оказался не разбойник. Жун Фэн узнал пришедшего - это был работник уездной почтовой станции, доставлявший письма. Жун Фэн нередко брал у них лошадей и потому был ему немного знаком. Лишь тогда он открыл дверь.

Увидев грозную стойку Жун Фэна, работник невольно присвистнул:

— Ух ты!

И рефлекторно отступил на два шага назад.

В тот день, когда Жун Фэн в городе, спеша вернуться домой, показал жетон горного стража, это сразу привлекло внимание. В нынешние времена стражи гор действовали скрытно, почти никто не видел их собственными глазами, и потому в тот же день слух разнёсся по гарнизону. Говорили, что в горах Мэмэн есть страж - совсем молодой, и что он даже спускался в город купить цветную ткань для жены.

Люди из почтовой станции отличались осведомлённостью и видели многое, так что без труда сопоставили слухи и поняли, о каком страже идёт речь. А сегодня, встретив его воочию, лишь окончательно убедились.

Почтовый работник сначала сложил руки в приветственном поклоне, затем заговорил:

— Почтение горному стражу. Здесь ли проживает Минь Си, уроженец уезда Фэнли, деревни Шаньюй? Я прибыл по приказу, чтобы передать ему письмо.

Жун Фэн нахмурился:

— Откуда вам известно, где мы живём?

Почтовик, заметив, как сине-голубой зрачок Жун Фэна опасно потемнел, поспешно и честно объяснил:

— Дело в том, что пришло письмо с фронта, и для его доставки нужно было разыскать адресата. В уездном управлении подняли подворные списки и установили, что этот человек внесён в один реестр с вами. Так мы и узнали место проживания вашей четы. Никакого злого умысла в этом нет.

Жун Фэн, выслушав объяснение, всё-таки не пустил человека в дом, но по крайней мере опустил топор.

— По какому делу? — холодно спросил он.

— Э... велено передать... отправку к пограничью. Это... это насчёт сбора тел.

— Чьих тел?

Почтовый служащий поспешно развернул письмо, сверился с посланием из пограничных войск и, внимательно вчитываясь, произнёс:

— Указаны имена: Ван Чанфу, Чжао Санью и некий Лян Эркуань.

К этому моменту Бянь Хун уже успел одеться и вышел за дверь, встав за спиной Жун Фэна. Услышав имена, он на мгновение утратил ясность взгляда, словно разум его помутился. Это были люди, с которыми он познакомился в армии, одни из немногих, кто тогда ещё оставался в живых.

В тот день, когда он решил оставить службу и вернуться домой, эти несколько человек, хоть и не скрывали сожаления, всё же радовались за него: по крайней мере, младшему товарищу удастся вернуться к спокойной жизни. Он не любил убивать; сколько бы заслуг ни накопилось у него на войне, всё это лишь приумножало боль.

Однако перед тем, как Бянь Хун вернулся на родину, они с теми несколькими людьми условились между собой. Мол, всё равно их жизнь - это кровь на лезвии ножа, вечные скитания по свету; ещё до службы у них не было настоящего дома, а если погибнут, и помянуть-то будет некому, кроме Бянь Хуна.

Тогда Бянь Хун опешил и сказал:

— У меня тоже нет дома. Я даже не знаю, где меня хоронить.

Ван Чанфу расхохотался - широко, вольно, по-солдатски, - и, размахнувшись рукой, сказал:

— Где ты живёшь, там и дом. Придёт время, найдёшь красивый пригорок, там и закопаешь. Только на праздники не забудь принести нам выпить, а? Ха-ха-ха!

Бянь Хун тогда счёл это шуткой. В конце концов, у них в гвардии Хубэнь было немало боевых заслуг; после войны таким людям обычно прочили повышение до младших командиров. Про таких говорили - судьба крепкая, смерть не берёт.

Но сейчас, услышав эти имена, он словно онемел: руки и ноги на миг отказались слушаться. Судьба поистине переменчива. То, что вчера было смехом и бравадой, сегодня обернулось страшным пророчеством.

Долгое время он молчал, а затем всё-таки произнёс:

— Гвардия Хубэнь действительно потерпела поражение?

Он не стал спрашивать обо всех пограничных войсках, спросил только о Хубэнь. Потому что до сих пор не мог в это поверить.

Лицо работника помрачнело.

— Трудно сказать наверняка, — с заминкой ответил он. — Мы тут, в уездном городке, тоже толком ничего не знаем. Есть лишь одно письмо с передовой - официальное, срочное, такое, что даже фуцзюня встревожило. Всю ночь поднимали подворные книги, пока не нашли ваш двор.

Одну мысль он, впрочем, благоразумно оставил при себе: жили эти двое в такой глуши, что без его многолетней сноровки гонца, умения ориентироваться и ходить где угодно, он бы сегодня сюда просто не добрался, на этот склон и вовсе не взобрался бы.

И всё же он был рад, что человек с разными глазами, хоть и служил в стражах гор, не жил в самой глубине Мэмэн. Будь иначе, за это поручение он бы и не взялся: кто хочет, пусть идёт, а

он не дурак, у него дома жена и дети, некому их кормить, если сгинет без вести.

Выслушав это, Бянь Хун деревянно кивнул и тихо, словно самому себе, произнёс:

— Да... да, мне нужно ехать. Я тогда... обещал.

Жун Фэн сразу почувствовал тревогу. Дорога к пограничным городам была далёкой, кругом ходили слухи о разбое и мятежниках, и отпускать его одного значило подвергнуть смертельной опасности. Он взял письмо из рук гонца и протянул его Бянь Хуну.

— Я поеду с тобой.

Работник почтовой станции растерянно ахнул:

— Это... это невозможно, господин горный страж. Проезжая грамота оформлена при содействии армии Хубэнь, и она одна.

Бянь Хун протянул руку и вынул из конверта ещё один лист. Бумага была ему до боли знакома: сложные узоры, его имя, отпечатки ладоней и стоп, описание внешности, происхождение, сведения о службе и боевых заслугах; внизу - оттиск цветка, означавший, что «Минь Си» ланьцзюнь.

Жун Фэн нахмурился. Его голубой глаз, устремлённый на ямского чиновника, казался тому ещё более пугающим.

— Я поеду в управу и оформлю ещё одну.

Работник станции, не без труда собравшись с духом, тихо возразил:

— В другие места ещё куда ни шло, горный страж, стоило бы вам лишь слово сказать... но проезжую грамоту на дорогу к армии Хубэнь на передовой, даже если вы опрокинете стол у самого префекта, он всё равно не сможет её выдать. Сейчас смутное время, у них просто нет таких полномочий.

Жун Фэн с досадой подумал, что если уж он захочет уйти, то никакая грамота ему не понадобится: через горы и леса кто его остановит? Для других дикая чаща - логово дракона и тигра, огненная пропасть, путь без возврата. Для него же что дом родной.

Но Бянь Хун покачал головой:

— Я справлюсь сам.

Тогда именно они трое вывели его из лагеря, а теперь настал черёд Бянь Хуна вернуться и забрать их всех. По воинским правилам, тела павших предают земле согласно их последней воле; но если в установленный срок за ними никто не приходит, их хоронят вместе, в общей яме, без различий, как в братской могиле.

Бянь Хун выбрался когда-то из такой ямы для десятков тысяч погибших и не хотел, чтобы Чжан Чанфу и остальные снова оказались в ней. Поэтому он повернулся и впервые сам протянул руку, крепко взяв мужчину за предплечье.

— Я выдвигаюсь сегодня же. В голодный год, в месяц бедствий, у меня там никого нет. Юаньдин и Гуаньбао... прошу, присмотри за ними.

Достаточно было того, что Бянь Хун, подняв лицо, так искренне посмотрел на него, сжимая его руку, и Жун Фэн уже не мог отказать.

Работник станции, исполнив поручение, откланялся. Бянь Хун вернулся в дом собирать вещи: взял лишь несколько смен одежды, два куска плотной звериной шкуры и сухой паёк. А Жун Фэн, уловив момент, незаметно сунул в узелок ещё и маленький мешочек с серебром.

Перед расставанием дети всё-таки расплакались. Юаньдин уже знал, что такое армия Хубэнь: после возвращения оттуда их брат Си словно стал другим человеком - вздрагивал по ночам, часто просыпался от кошмаров. И вот теперь, когда ему наконец стало лучше, он снова собирался туда идти. С этим Юаньдин никак не мог смириться.

Бянь Хун погладил его по голове:

— Я схожу, заберу нескольких людей и вернусь. Обещал - значит, сделаю.

Юаньдин, весь в слезах, прошептал:

— Тогда... брат Си должен пообещать мне, что вернётся целым и невредимым. И быстро вернётся.

Бянь Хун кивнул. Юаньдин вытер слёзы:

— Обещанное надо выполнять.

— Да, — мягко ответил Бянь Хун. — Я обещаю Юаньдину.

Перед расставанием Жун Фэн настоял на том, чтобы проводить его до границы округа: начиная с этого места, для передвижения уже требовались дорожные документы.

Дальше путь Бянь Хуну предстояло продолжать одному. Но на этот раз всё было иначе, чем в его прежний, измождённый, почти призрачный приход. Накануне он вымылся в горячей воде; на нём была новая ватная куртка, сшитая матерью Жун плотными, частыми стежками; поверх - мягкая, хорошо выделанная звериная шкура, приготовленная самим Жун Фэном. Даже изогнутый нож, пристёгнутый к голени, Юаньдин и Гуаньбао неловко, кривовато обмотали бинтом на рукояти, чтобы не натирал руки их брату Си.

Он нёс с собой тяжёлое тепло заботы и привязанности, как щит против пронизывающего зимнего ветра. Напоследок он махнул рукой стоявшему позади мужчине и шаг за шагом пошёл вперёд, пока его фигура постепенно не растворилась в ветре и снегу.

Жун Фэн остался стоять на месте, неподвижно глядя ему вслед.

И ещё долго не уходил.

<http://bllate.org/book/13502/1270550>